5Р 84
10к1

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ПАМЯТНИКИ

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ГОРНОЙ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Бр 84/1041

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ГОРНОЙ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964

Государственная
БИБЛИОТЕКА СССР
имени
В. И. ЛЕНИНА

ПРОШЛОЕ ВАЙНАХОВ

Прошлое Чечни и Ингушетии уходит в глубь веков и тысячелетий. Этнически чеченцы и ингуши сложились из родовых союзов и племен вайнахов Северо-Восточного Кавказа. Они обитали среди гор и ущелий: от реки Терека на западе до реки Аксая на востоке. На юге их территория достигала снежных вершин Главного Кавказского хребта, на севере она доходила до ущелий и предгорий Скалистого и Лесистого хребтов.

В древности вайнахи занимались земледелием, скотоводством и охотой. В XVI веке их племена снова стали возвращаться на плоскость в долины рек и поселяться на берегах Сунжи и Терека. Тут они усилили контакты с культурами других народов.

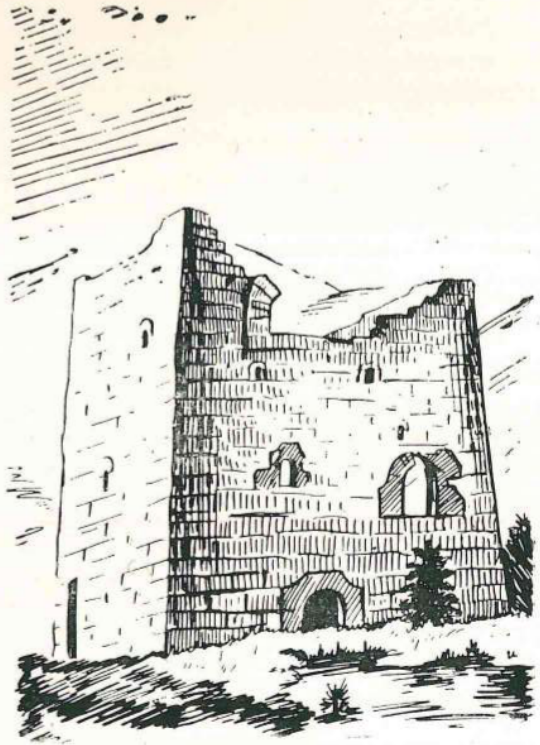

Рис. 1. Жилая башня, район Итум-Кале.

ДРЕВНИЕ БАШНИ

Первоначально, на рубеже раннего и позднего средневековья, жилые башни строили в два-три этажа весьма примитивно, из нетесаного камня, складываемого на извести. Размеры были различные. Помещения предназначались для всего рода (тайпа).

Первый этаж служил хлевом скоту, второй и третий — жильем для рода. Во втором находилась кухня со священным очагом, цепью и котлом, это была трапезная. На третьем была расположена гостиная (кунацкая). Приставные деревянные лестницы служили для входа в башню и сообщения между этажами.

Пол лежал на балках, укрепленных на каменных выступах по углам, а также на выступах в каменном столбе (опоре), сложенном в центре башни. На балки настилались тонкие круглые рейки (или плетень) и покрывались слоем земли. Затем пол смазывался глиной, смешанной с соломой и навозом.

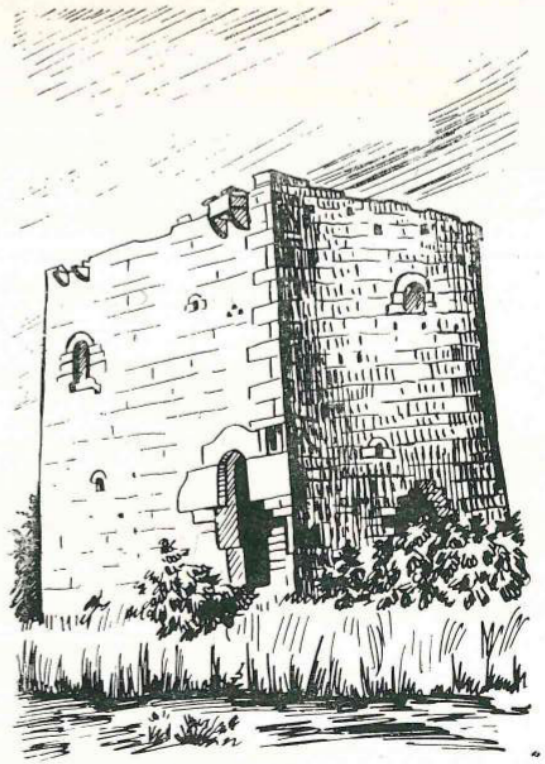

Рис. 2. Жилая боевая башня с машикулями и каменным парапетом, аул Алкун.

С развитием патриархально-родовых отношений — с зарождением собственности, появлением межродовой вражды — эти мирные башни стали укреплять. Сначала на крышах вдоль стен складывали, на случай военного столкновения, парапет из камней для метания. Из верхнего этажа над входным лазом проделывали машикули (род окна с балкончиком, спереди и с боков до половины закрытого плитами, без дна), через которые сбрасывали камни и стреляли из лука. На этажах башни во все стороны в нишах делали бойницы. С появлением огнестрельного оружия (XV—XVI вв.) стали у́же проемы в бойницах башен.

Рис. 3. Боевые и жилые башни с плоскими кровлями, аул Эгикал.

На базе укрепленных жилых башен с XIV—XVI вв. стали сооружать специально боевые башни. Они были меньше по площади (5,5 на 6 м), но гораздо выше (до 25—30 м), в 4—5 и больше этажей. Имея коническую, квадратную форму, боевые башни различались по характеру кровли; более ранние были, подобно жилой башне, с плоским верхом и каменным парапетом.

Обычно строили их на самых неприступных местах или в центре аула.

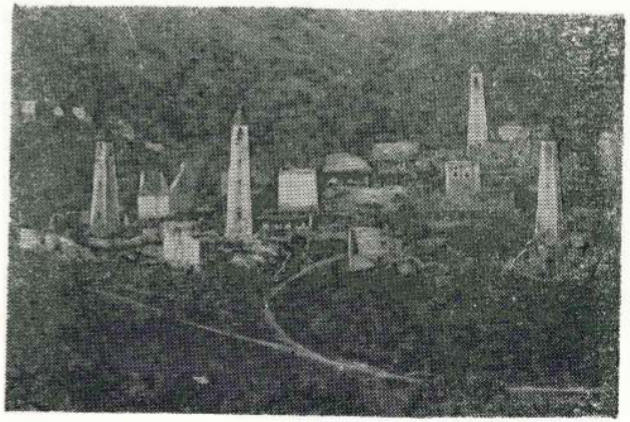

Рис. 4. Боевые башни, имеющие пирамидально-ступенчатые кровли с замковым камнем и машикулями во все четыре стороны, аул Таргим.

Позже, начиная с XVI—XVII вв., по мере усложнения боевых задач и военной техники, боевые башни стали делать с одиночными машикулями на все четыре стороны, с бойницами и четырьмя каменными гуртами по углам (см. рис. 13) и правильной ступенчатой пирамидальной кровлей. Этот стиль боевой башни явился завершающим — «классическим».

Дальше этого развитие башенной архитектуры в Чечено-Ингушетии не пошло.

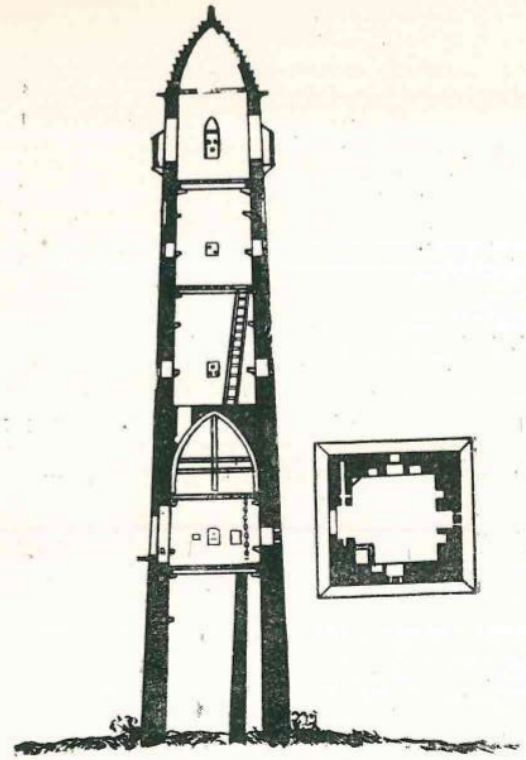

Рис. 5. Боевая башня «классическая» в разрезе и плане.

ПЛАН «КЛАССИЧЕСКИХ» БАШЕН

Первый этаж во всех боевых башнях был глухой, без окон и дверей; он предназначался для содержания пленных. Входили в него через люк из 2-го этажа.

Второй этаж служил для хозяйственных целей. По устройству он напоминал жилую башню: очаг, цепь, котел и общая трапезная. Между вторым и третьим этажами был сводчатый каменный потолок.

В третьем и четвертом этажах размещались семьи рода. Эти же этажи имели ниши с бойницами.

В пятом этаже находились зоркие наблюдатели, следившие постоянно за всей окрестностью. Пятый и второй этажи скрепляли сводами всю башню.

Предания признают за ингушами высокое развитие мастерства в строительстве башен, склепов, святилищ и других местных каменных сооружений. Известны имена прославленных мастеров тайпов Ахриевых (Дуго), Муровых (Хасби), Баркинхоевых и других. Строители передавали свое мастерство по наследству.

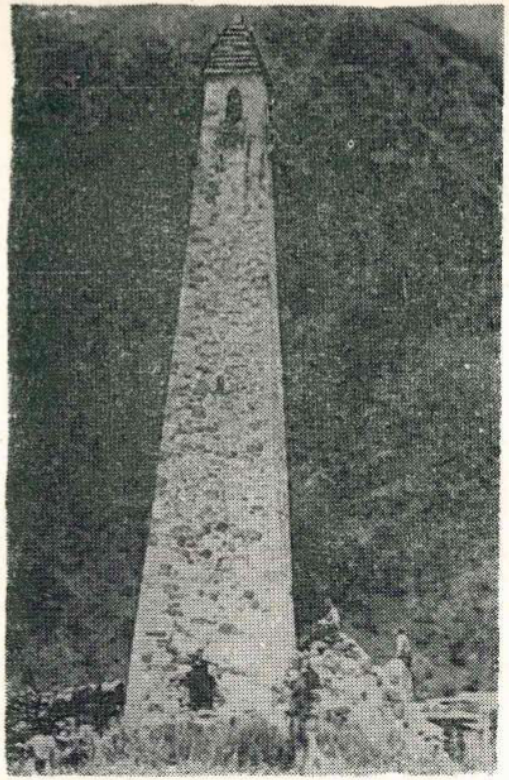

Рис. 6. Боевая башня «классическая», аул Пуй (здесь находился Серго Орджоникидзе в феврале—апреле 1919 года при отходе Терского СНК в Грузию).

ПОЯВЛЕНИЕ ЗАЧАТКОВ ФЕОДАЛИЗМА

Появлению боевых башен в Чечено-Ингушетии от Галанчожского и Маистинского районов до Цоринского, Галгаевского и Джераховского (до Осетии) предшествовал процесс соответствующего развития патриархально-родовых отношений. Обладатели боевых башен становились более сильными. Захватывая господствующее положение в своем районе, эти роды овладевали лугами и сенокосами, преграждали горные пути, получали доход от мыта. (Мыто — пошлина за проезд: по 1 пуле или 1 заряду пороха с путника, по 1 барану за прогон отары овец, а с купеческих караванов — долю товаров и т. д.). Таким путем (пассивным) шло обогащение некоторых тайпов (но не семейств!). Часть слабых тайпов попадала в зависимость к сильным — «шла в кабалу или под патронат».

Так возникали «вассальные» отношения, а все это вело к зарождению в горах элементов феодализма. Земля была общетайповая (но не отдельных семейств!). Крепостных тайпов не было. Рабство было очень ограниченно. Рабами становились невыкупленные пленные или заложники, которые после женитьбы оставались в роде на правах младших членов. Все члены рода считали себя равными и вольными узденями. Эксплуатации рабского труда, который служил бы базой экономики всего общества, еще не было. Следовательно, до XVII века в горах Чечено-Ингушетии еще не было сложившегося феодализма, а только зарождались его элементы.

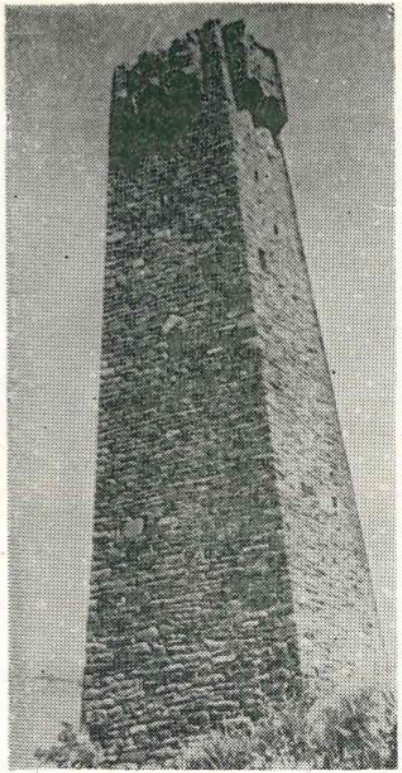

Рис. 7. Боевая башня, машикули двойные со всех сторон, район Итум-Кале, аул Дёре.

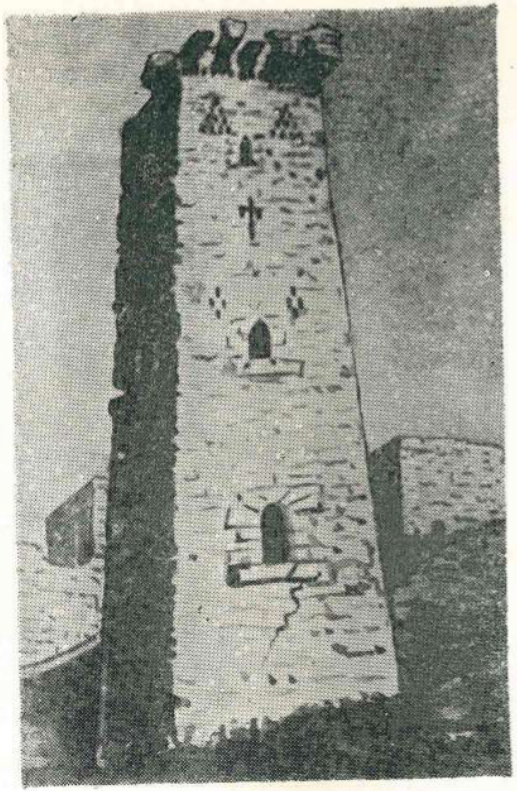

Рис. 8. Боевая башня с парапетом из машикулей, без кровли, аул Хой, озеро Кезеной. Этот тип башен изредка встречается на востоке Чечни.

Ряд жилых башен с одной или несколькими боевыми окружали высокой стеной, получался комплекс оборонительных сооружений. Часто это бывал целый аул.

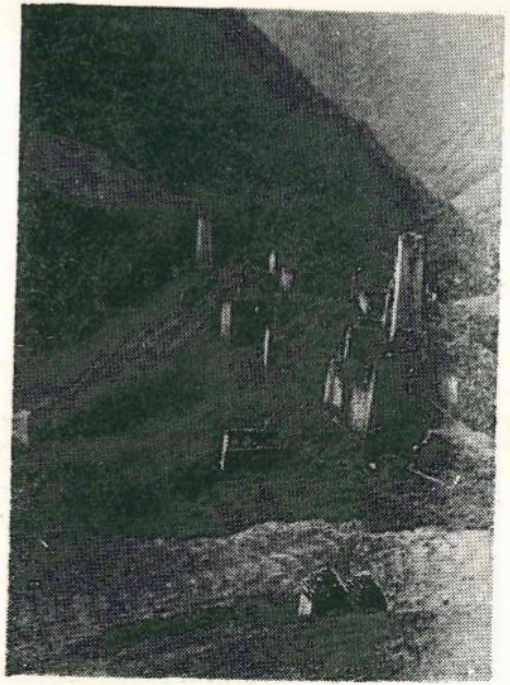

Рис. 9. Замок башенный и боевая башня с четырьмя гуртами и машикулями, аул Цори. На переднем плане — два склепа.

Период расцвета башенной архитектуры в Чечено-Ингушетии может быть отнесен к XII—XVII вв.

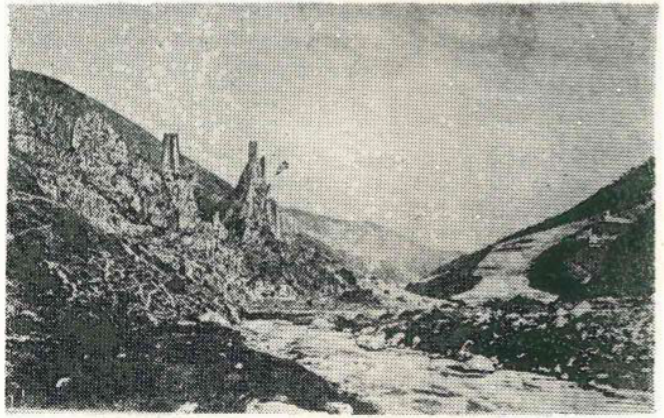

Рис. 10. Боевые башни, аул Вовнушки.

СКЛЕПЫ И МОГИЛЬНИКИ КОЛЛЕКТИВНЫЕ (РОДОВЫЕ)

Ранне-средневековые погребения, находящиеся в горной Чечено-Ингушетии, были в одиночных каменных ящиках, датируемых VI—IX вв. Изредка встречаются захоронения в катакомбах (Алкун, Гоуст, Дуба-Юрт).

Склепы местной архитектуры (подобие башен) принадлежали чечено-ингушским тайпам. Они были различных видов — пещерные, полуподземные IX—XIV вв. и надземные XIV—XVII вв.

Склепы и могильники строили из камня. Это были коллективные родовые усыпальницы. В ту эпоху у чеченцев и ингушей господствовал культ родовых предков. Горные аулы именовались по главным тайпам. Таким же именем обычно назывался и родовой могильник, в котором погребали только сородичей.

Некоторые тайпы имели по нескольку склепов.

Рис. 11. Склеп коллективный родовой с двускатной ступенчатой кровлей, аул Эрзи.

Рис. 12. Склеп коллективный родовой с четырехскатной ступенчатой кровлей, аул Лежг.

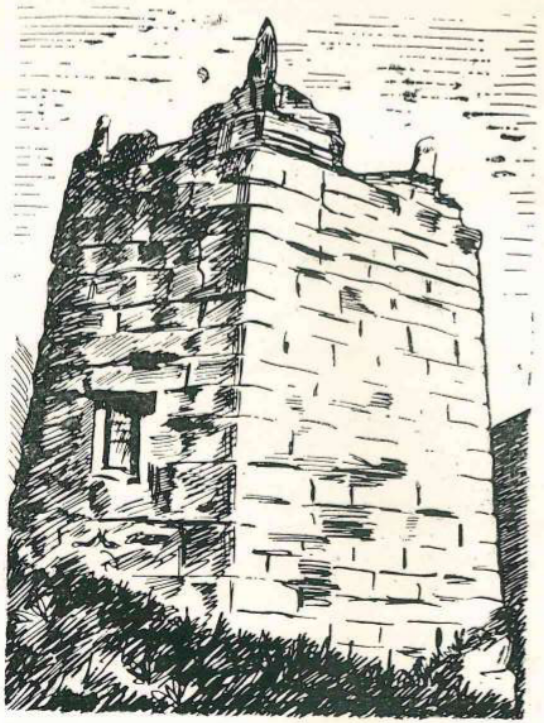

Рис. 13. Склеп коллективный рода Газдиевых с четырьмя гуртами по углам кровли, аул Эгикал.

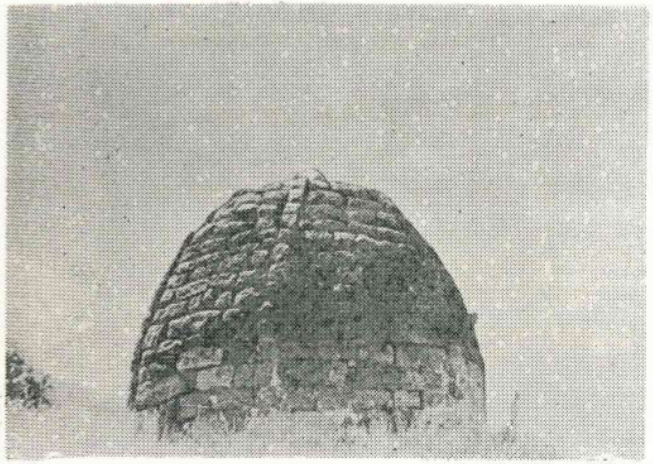

Рис. 14. Склеп коллективный родовой с шатровой конической кровлей, район Джераха.

Эпоха нашествия татаро-монголов (XIII—XIV вв.) отразилась в архитектуре чечено-ингушского народа только в строительстве склепов. Их стали делать круглыми, в форме шатров с конической кровлей. Но этот тип могильников не распространился, их очень мало.

Обряд погребения при культе родов предков в эпоху средневековья был почти одинаковым у всех горцев Кавказа.

Покойников, одетых и завернутых в шелковые или стеганые саваны, клали в родовой могильник на широкие полки или нары. Встречаются трупы в деревянных гробах с геометрическим резным орнаментом, реже — в долбленых колодах (ладьях). Вместе с погребением клали необходимые предметы: мужчинам оружие и курительные принадлежности; женщинам предметы туалета, расчески, зеркальца, бусы, серьги, кольца, швейные принадлежности — ножницы, иглы, наперстки, нитки, веретена и т. д.; мальчикам роговые волчки, альчики, а девочкам куклы, зеркальца и бусы.

За долгие века коллективных погребений в склепах накапливалось множество могильного инвентаря и трупов. В некоторых было так много скелетов, что из обломков истлевших костей образовался слой, доходивший до 80 см, а целых черепов насчитывалось до 300 и более!

Некоторые трупы были в хорошей сохранности. Такая естественная мумификация происходила благодаря сухости горного климата и хорошей вентиляции через орнаментированные отверстия склепов.

Иногда на солнечных холмах встречаются скопления могил и склепов, образующих своеобразные «некрополи», как например в аулах обществ Малхисты, Маисты и др.

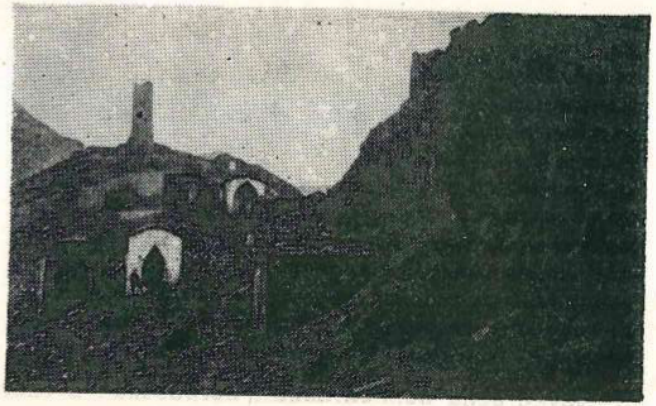

Рис. 15. Некрополь — кладбище родовых склепов Цой-Пхеде — «город мертвых», аул Малхисты.

СВЯТИЛИЩА

В эпоху средневековья у чечено-ингушских народов были в большом почете языческие культы и божества. Это связано с обожествлением сил природы (солнца, весны, лета, воды, бури, грома и т. д.). Особой популярностью пользовались божества Тушоли, Галь-Ерды, Мятер-дела, Мятсела, Маги-Ерды и др.

Каждый крупный род сооружал на ближайших вершинах, вблизи своих аулов, молитвенные святилища. Обряд моления состоял, как и у всех горцев Кавказа, в молитвах и жертвоприношении (заклании скота), сопровождавшемся пиршеством, танцами, а в более глубокой древности — весенними сатурналиями.

Рис. 16. Святилище Мятсела, на горе Метлоам (Столовой) район Джераха (дореволюционная фотография)

Рис. 17. Столпообразное языческое святилище, аул Эрзи.

Рис. 18. Столпообразное святилище, сооруженное среди надземных могильников, аул Таргим.

Рис. 19. Столпообразное святилище «Аушасел», аул Таргим. Характерно наличием вделанных в штукатурку оленьих рогов над стрельчатой нишей.

а *б*

Рис. 20. *а* — фаллический памятник божества плодородия Тушоли, аул Кок, горная Ингушетия; *б* — тот же памятник Тушоли, вывезенный в 1929 г. с гор. Ныне экспонируется в республиканском музее в городе Грозном.

БОЖЕСТВО ТУШОЛИ

К остаткам самых древних культов в Чечено-Ингушетии относится почитание фаллического божества плодородия и урожая Тушоли. Главное святилище и каменный памятник с деревянным изображением лица и бронзовой маской Тушоли находились в ауле Кок. Это верование было занесено на Северный Кавказ из Передней Азии через Закавказье в I тысячелетии до н. э. Памятник является редким на Северном Кавказе.

Поклонялись Тушоли все, но главным образом бездетные женщины. С ним связано множество обрядов и суеверий.

В бывшем ингушском народном календаре самый ранний весенний месяц, соответствовавший марту, назывался именем этого божества — «Тушоли бут». Удода, прилетавшего в горы тоже весной (в марте), называли «Тушоли котам» (курица Тушоли), как посвященного самому божеству, и его не убивали.

Этот культ Тушоли сохранился у горцев Чечено-Ингушетии дольше всех, в Ингушетии он продержался до конца XIX века.

Рис. 21. Храм христианской грузинской архитектуры Тхаба-Ерды, XII в., близ аулов Таргим и Хайрах, на берегу реки Ассы.

ХРАМ ТХАБА-ЕРДЫ

В эпоху расцвета культуры христианской Грузии в XII в. в ее северные приграничные окраины — Чечню, Ингушетию, Дагестан и Осетию — проникло христианство.

По всем преданиям ингушей, к ним с юга прибыл грузинский епископ, одновременно из-за перевала стали возить на мулах тесаные орнаментированные плиты для строительства храма. Так появился в районе Галгайской долины грузинский храм Тхаба-Ерды. Это было в XII в., в эпоху царствования Тамары.

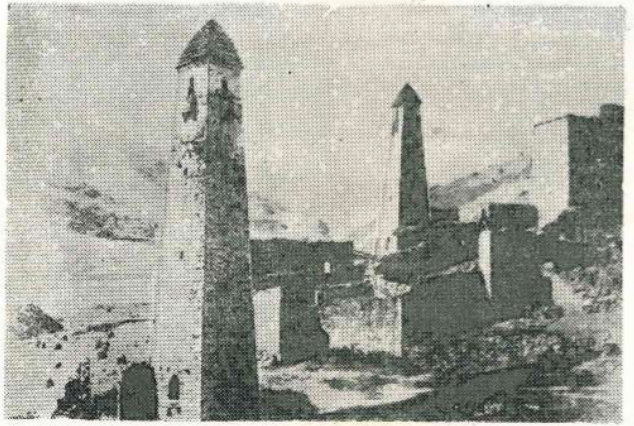
В том же районе, ниже по реке Ассе, против аула Таргим был построен другой христианский храм Албі-Ерды (ныне совершенно разрушен).

Р и с. 22. Плиты каменные с орнаментом от храма Тхаба-Ерды.

Интересными видами памятников являются крестообразные надгробья (стелы). Раскопки, произведенные под некоторыми из них (в селах Памятой, Асланбек-Шерипово, Итум-Кале и др.), дали погребения, относящиеся к эпохе раннего мусульманства.

Изображение креста широко распространено на памятниках Чечено-Ингушетии, оно имеется и у соседних народов — хевсур, тушин, дагестанцев. Известно оно и на орнаментах боевых башен и святилищ. В святилищах чеченцев и ингушей находят даже железные кресты.

Р и с. 23. Боевые башни, орнаментированные со всех сторон крестами, аул Хани.

Рис. 24. Крест каменный, аул Дошхакле.

Рис. 25. Крест каменный между двумя плитами (стел), село Первомайское (б. аул Галашки).

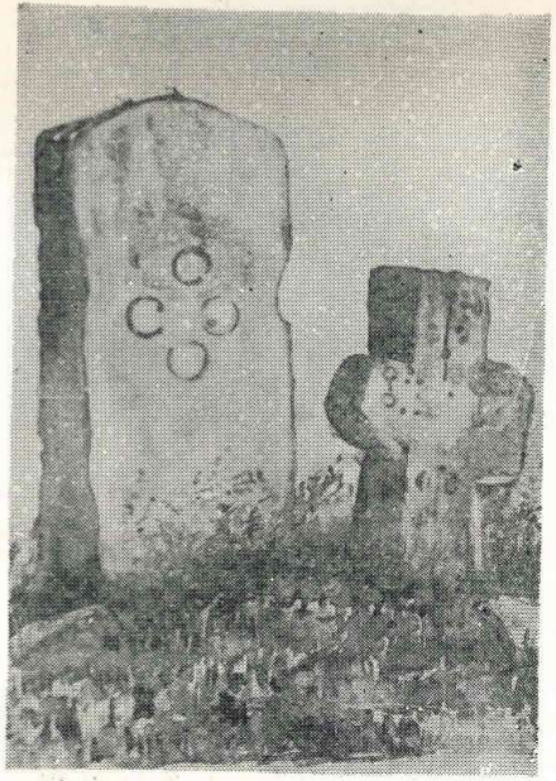

Рис. 26. Крест каменный с плитой на перевале «3 крестов», гора Цей-лоам.

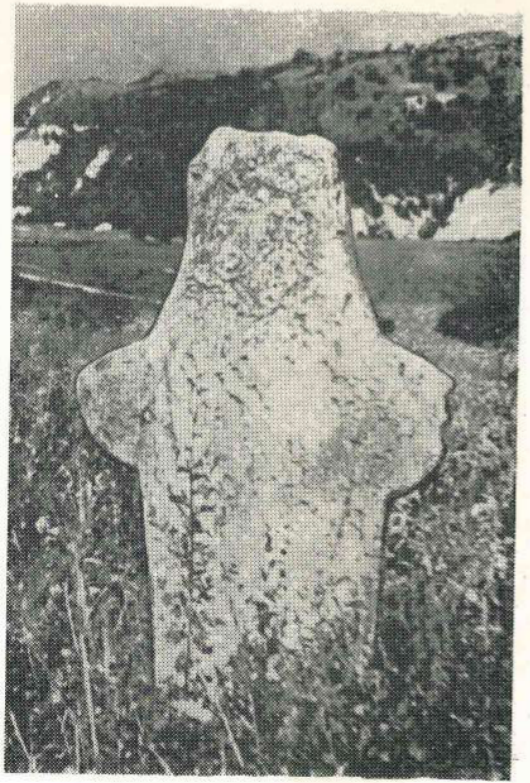

Рис. 27. Каменный крест, аул Нихалой.

Только под давлением репрессий Тимура (конец XIV в.), когда христианство вместе с грузинской грамотой и языком было запрещено и изгнано с гор, чечено-ингушские народы вернулись к почитанию своих прежних языческих культов.

Рис. 28. Каменный крест, аул Памятой.

ПЕРЕЖИТКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Чечено-ингушские местные языческие верования, несмотря на влияние христианства, а позже — магометанства, удержались прочнее всех.

В Чечне, куда магометанство проникло из Дагестана в XVII в., о языческих культах забыто. Но в Ингушетии, принявшей ислам совсем недавно (в конце XVIII—середине XIX в.), уже в XX в. в горах бывали случаи совершения древних языческих обрядов.

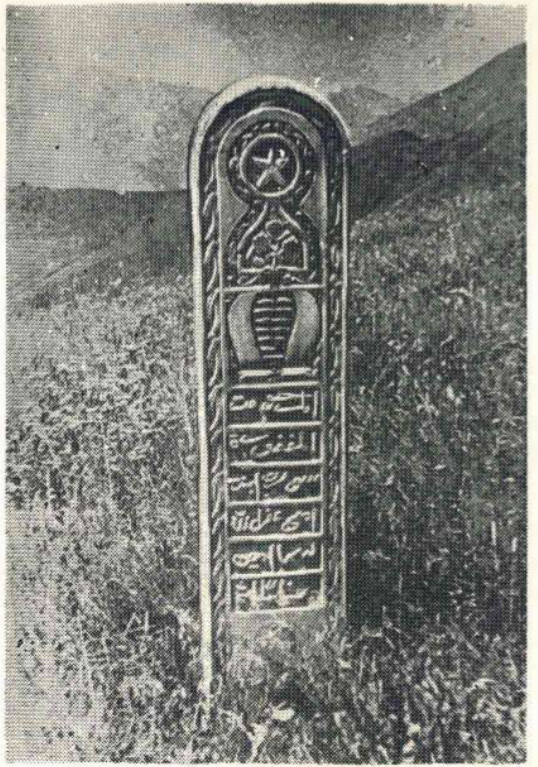
К числу очень стойких пережитков культа родовых предков у чеченцев и ингушей относится обычай их изображать на мусульманских обелисках (чуртах) предметы могильной утвари.

Как известно, в период родовых культов обряд обязывал класть с покойниками в коллективные склепы предметы обихода, поскольку люди верили, что все это необходимо умершему в потустороннем мире. Но мусульманский закон запрещает класть что-либо в могилу с трупом. Поэтому верующие позднее стали изображать эти предметы только на обелисках.

Вот почему на чеченских и ингушских чуртах вытесывают и раскрашивают изображения соответствующих предметов, на мужских: газыри, кинжалы, оружие, часы, трубки, четки, кувшины и на женских: черкески, пояс, гребень, серьги, ножницы, четки и т. д. Из этого видно, что горский языческий культ родовых предков вплелся своими пережитками в мусульманство, причем уже с новыми современными предметами — часами, четками мусульманскими, кувшинчиками и т. д.

Р и с. 29. Обелиск мусульманский, мужской чурт, аул Шали.

Р и с. 30. Женский чурт, аул Эрзи.

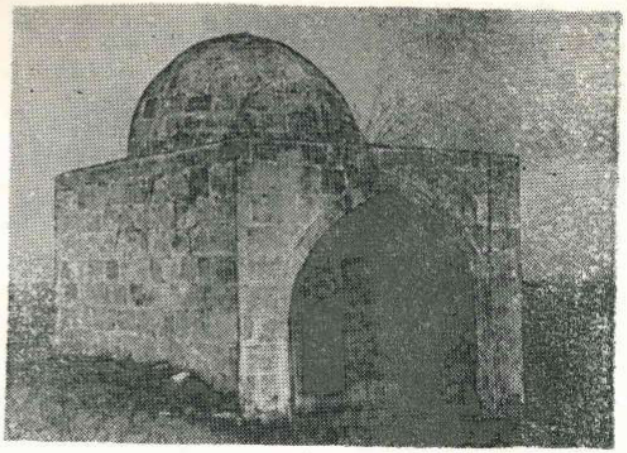

Рис. 31. Мавзолей Борга-каш, погребение брагунских ханов (крымцев) XIV—XV вв., селение Плиево.

МАВЗОЛЕЙ БОРГА-КАШ

Близ аула Плиево имеется прекрасно сохранившийся монументальный памятник, единственный на Северном Кавказе. Это тюркский ханский склеп Борга-каш (Боргана-могила). По исследованиям источников, территория между реками Тереком и Сунжей в эпоху XIV—XV вв. была обитаема кочевьями крымско-кумыкских племен — борганами.

В конце XV в. борганы были оттеснены к устью реки Сунжи до села Брагуны прибывшим с запада кабардинским народом. Позже, в XVI—XVII вв., начавшие спускаться с гор на плоскость чечено-ингушские племена отодвинули кабардинцев на запад.

Поэтому борганский мавзолей является сооружением, совершенно чуждым культуре Чечено-Ингушетии.

* * *

Из века в век в горах Чечни и Ингушетии складывался особый архитектурный стиль. Он отличался строгостью композиционных форм, изгнанием всего лишнего, практически не нужного и декоративного, в нем нет никаких заимствований, подражаний и т. п. Он считается вполне местным, самобытным — вайнахским.

В эпоху средневековья в экономически тяжелых горных условиях создалась чечено-ингушская архитектура, последней «классической» формой которой явились высокие, стройные боевые башни с пирамидально-ступенчатой кровлей, замковым камнем на вершине и одиночными машикулями во все четыре стороны.

Эта башенная архитектура оказала влияние на строительство соседних областей: Хевсуретии, Тушетии, Осетии и горной Грузии. Об этом свидетельствуют башни, построенные в районе Военно-Грузинской дороги: в Казбеги боевая башня с конической кровлей не очень высокая, но стены ее сходятся под большим углом, чем в Ингушетии; в Ананури есть одна башня, но низкая и без машикулей; в селе Паншети находится башня с гуртами по углам, но с пристройкой. В Осетии башни с плоской кровлей, невысокие, почти без машикулей и не такие, как у ингушей.

Заметно, что эти башни случайные, не характерно местные, видимо, занесенные туда соседними ингушскими мастерами.

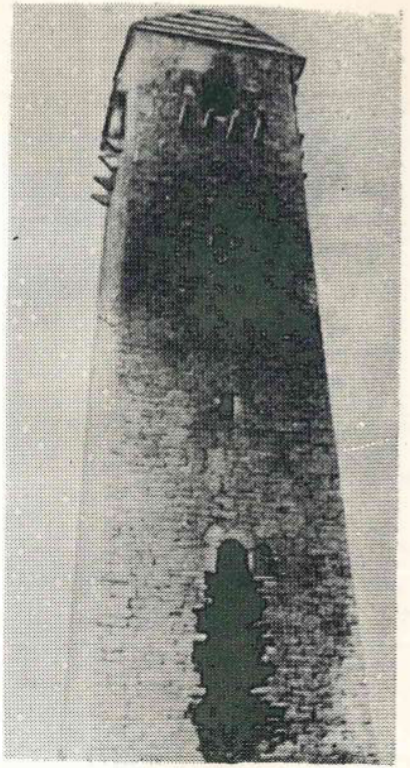

Рис. 32. Боевая башня, западная стена с проломом, аул Тазбичи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты Кавказской археологической комиссии. Том I—XII, под ред. Берже А.

Базоркин М. М. Борганы в Присунженской долине. Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып. 10, Грозный, 1961.

Головинский П. И. Чеченцы. Сборник сведений о Терской области. Ч. I, Владикавказ, 1878.

Ахриев Ч. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III—IV—V—VIII, Тифлис, 1870—1871—1873.

Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI, 1872.

Грабовский Н. Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I, 1868.

Миллер В. Ф. Археологические наблюдения в области чеченцев. Ч. I, М., 1888.

Семенов Л. П. Брагунский мавзолей. Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XVII, Орджоникидзе, 1956.

Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963.

Щеблыкин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры, 1929.

Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.

Броневский Е. Географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II, 1823.

Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

Белокуров С. А. Сношение России с Кавказом. М., 1899.

Крупнов Е. И. К истории Ингушии. «Вестник древней истории», 1939, № 2. Его же. Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XV, 1947.

Скитский Б. В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа. Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, т. I, Грозный, 1959.

Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.

Макалатия С. И. Хевсурети. Тбилиси, 1940.

В брошюре использованы фотографии комплексной экспедиции Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея и Северокавказской археологической экспедиции Института археологии АН СССР.

В брошюре описаны только немногие памятники прошлого, наиболее характерные для архитектуры горной Чечено-Ингушетии.

Составитель М. М. БАЗОРКИН.
Ответственный за выпуск И. З. Пономарева.
Технический редактор Н. Т. Кузьменкова.
Корректоры Л. Ф. Григорьева и О. В. Черная.

✳

Сдано в набор 6.IV 1964 г. Подписано к печати 27.VII 1964 г.
Формат 70x108$_{32}$. Объем 1,62(2,26) п. л. Уч.-изд. л. 1,3.
Тираж 1900. СФ00360.
Чечено-Ингушское книжное издательство,
Грозный, 21, улица Ленина, 14.

✳

Заказ № 119.
Типография имени И. Н. Заболотного,
Грозный, проспект Революции, 22|3.
Цена 8 коп.